

Юдит Бароти – Эржебет Шиллер
(Сомбатхей, Венгрия)

**К ВОПРОСАМ БИОГРАФИИ ЛЕОНИДА ПАСТЕРНАКА В СВЕТЕ
ВОСПОМИНАНИЙ – ЕГО И ДРУГИХ**

Abstract: The article presents and examines excerpts from some of the lesser-known autobiographical notes and reminiscences of the renowned painter, Leonid Pasternak (1862-1945), father of the writer Boris Pasternak. One of his childhood memories describes the 1871 pogrom in his native Odessa. This short, dramatic piece, written sixty years after the event, in exile, along with other writings referring to his Jewish roots, have been marginalized or simply omitted from his published *Memoirs*. This paper makes an attempt to put such omissions and silence – of his own, and of others’ – about the Jewish origin in the wider context of the artist’s oeuvre.

Keywords: Leonid Pasternak, reminiscences, Jewish, Russian art, Odessa

Известно, что еврейское происхождение во многом определило жизнь Леонида Пастернака. В биографиях, например, пишется, что он не стал профессором, потому что отказался принять православие, а для такой должности это было бы необходимо (см. ПЛАВИНСКАЯ 2012).

В определённые периоды еврейская тематика в творчестве Л. Пастернака играла существенную роль, а в другие влияние русской среды и культуры становилось более важным и вдохновительным. Сам Пастернак считал себя в первую очередь русским художником. И, конечно, имеет значение, что в России и в Советском Союзе он в первую очередь прославился как друг Льва Толстого и иллюстратор романа *Воскресение*. А некоторые знаменитые современники Л. Пастернака в России и в ещё большей мере вне её определяли его в первую очередь как еврейского художника.

После смерти Леонида Пастернака в Англии в 1945-ом году усиливается тенденция поиска его места исключительно в русской культуре. Его еврейское детство, работы и мысли, даже дружба с известными представителями еврейской интеллигенции после Октябрьской революции остаются в тени.

В отличие от многих мы не считаем нашим долгом судить, насколько правильно или неправильно поступали потомки Леонида Пастернака – в первую очередь дочь Жозефина –, когда они как бы стёрли еврейство из

творчества и жизни художника. У них вероятно были уважительные причины (стоит только упомянуть спор отца и сына Бориса по этому поводу). И с другой стороны, – сам Леонид Пастернак часто держал некую дистанцию от своего еврейского происхождения. В этой статье мы хотим только обратить внимание на некоторые малоизвестные, но, может быть, интересные тексты, высказывания и – на молчание Леонида Пастернака в связи со своим еврейским происхождением, и также на косвенные реакции на него, и опять – на молчание со стороны людей, представляющих художника после его смерти.

Через 30 лет после смерти отца, Жозефина Пастернак решила составить книгу из его разрозненных мемуарных заметок. В 1975-ом году в Москве вышла красивейшая книга под заглавием *Записи разных лет*, с множеством репродукций картин и рисунков. Книга состоит из четырёх частей: *Моя жизнь, Мои встречи и модели, Встречи с Толстым и Статьи, наблюдения, записи*. Книга такого рода не противоречила бы воле Леонида Пастернака, ведь в 1932 году в Берлине он хотел издать монографию «с большой статьёй известного художественного критика Макса Осборна, воспоминаниями художника о Льве Толстом и автобиографическими заметками. К несчастью, большую часть тиража не успели вывезти из типографии, так как она была уничтожена ворвавшимися в здание типографии нацистами» (ПАСТЕРНАКИ 2001). Сборник, составленный дочерью Жозефиной не содержит некоторые записи – ни русское издание, ни его немного сокращённый английский перевод (PASTERNAK 1982).

В Гуверовском архиве (при Стэнфордском университете) среди рукописей, документов и прочих материалов огромного семейного архива Пастернаков хранится машинописный текст Леонида Осиповича Пастернака под заглавием *Первый погром в Одессе (эпизод из детских воспоминаний...)* (ПАСТЕРНАК HOOVER 139:6). Текст интересен сам по себе, и говорит многое не только о грустном событии 1871-го года, а также о своём авторе. К тому же, рассмотрение судьбы этого текста даёт возможность задуматься о некоторых оттенках восприятия художника Леонида Пастернака. Этот текст на двух с небольшим листах не включён в *Записи*, инет его и в английском издании. Он вышел в свет намного позже в сборнике в 2013-ем, потом 2015-ом году – в последней книге с одним единственным комментарием к тексту: в сноске Ж. Пастернак, ссылаясь на книгу Ю. Гессена, замечает, что погром, о котором пишет Леонид Пастернак, не был первым в Одессе. Составители не сочли нужным дополнить публикацию текста ничем другим (ПАСТЕРНАК 2015: 157).

В этом коротком воспоминании о событии шестидесятилетней давности его автор сумел передать свои детские впечатления, делая воспоминание правдоподобным, реальным и тем, что из мозаик не вырисовывается целая картина – есть моменты, которые не остались в

памяти. Он умеет передать тревогу, опасения и сжато, но точно, не подробно, но всё-таки детально описывает окружение, тяжёлую атмосферу. В спасении детей в этой опасной ситуации в одесском дворе самую большую роль играет храбрая и мудрая мать. «Только наша семья: родители, две сестры, старший брат и я оставались в этом громадном пространстве двора и двух флигелей маленькой восьми-комнатной гостиницы [...] Вот за воротами уже прошли воюющие, стоном стонущие о потерянном, уничтоженном скарбе, вот гиканье передовых “вождей”, мальчишек и хулиганов, слышно у нашего дома, адский визг, свист и битье стекол – еще и сейчас в ушах у меня этот свист и “уррра”, когда что-то большое выбрасывалось на улицу из окон... и лязг стекол...

[...]

Когда толпа эта поравнялась с нашим домом, мать моя, – вообще худая, слабая с виду женщина – раскрыла окно нижнего этажа, выходявшего на улицу, выпрыгнула из него и бросилась на колени перед этой озверелой толпой, умоляя со слезами на глазах – пощадить ее детей!.. Это совсем неожиданное зрелище умоляющей за детей своих женщины так воздействовало на толпу, что “заправили” скомандовали – “ребята, дальше!..” – Так мама спасла нас своим материнским бесстрашием и героизмом...»

Хочется тут обратить внимание на монографию Леонида Пастернака, *Рембрандт и еврейство в его творчестве*, на лирическое отступление в нём при анализе картины *Яков благословляет детей Иосифа*.

«Как ни прекрасно написаны Яков, Иосиф и внуки, не в них дело. Сбоку, с правой стороны полотна, египтянка Аснат – жена Иосифа и мать внуков Якова. Но, Боже мой!.. Какая Аснат?! Разве она египтянка?.. Это же иудейка! И какая мать!.. И я вспоминаю свою... Святые иудейские матери! Сколько горя и скорби, сколько слез выплакали глаза ваши. Сколько тревожных и бессонных ночей провели вы над колыбелью детей ваших... Воистину, вы свято исполнили Завет Божий, ибо нет вам равных в материнской любви» (ПАСТЕРНАК 1923).

Это сходство матери и Аснат, увиденное Пастернаком, интересно и тем, что в воспоминании он не употребляет слово «еврей». Как мы указываем на это потом, он и в других своих текстах избегает этого слова.

Возвращаемся к воспоминанию о погроме. Описанные события читатель видит не только глазами мало понимающего, но впечатлительного мальчика, а также за текстом вырисовывается взрослый рассказчик. Этот взрослый человек текста уже много всего пережил и смотрит на происшествия с точки зрения исторической давности. И он знает не только то, что этот погром стал «образцом повторяющихся потом на юге России много раз». К моменту написания воспоминания этот опыт из детства повторялся и в других странах в более варварском виде («“погром” – эта дикая преступная расправа с беззащитными, инсценированная всюду властями – на разные лады – укоренилась

сначала у нас, а затем и в жизни “цивилизованных” народов Европы»). Но в этом его взрослом взгляде есть ещё один важный оттенок – это его сопереживание жертвам лишено ненависти к беспощадным людям. «Конечно, во мне – 7-8-летнем мальчишка дикая варварская (непонятная ребенку) расправа оставила навсегда неизгладимый след. Когда я подрос, это, якобы “народное” явление оставило в душе не чувство ненависти и мести, а душевную горечь за ни в чем не повинных жертв слепого преследования в течение 2000 лет беззащитных, бесправных людей...» Короткое воспоминание Л. Пастернака заканчивается этим предложением. Это характерный для Пастернака подход: говорить не просто о своём личном опыте, о своей скорби, и при этом не оправдывать простое, эмоциональное отношение к врагу. В других записях это сочетается с некой иронией.

Иронические фразы и самоирония родились в его записях связи с его судьбой в фашистской Германии, которую он впоследствии покинул в 1938. В воспоминаниях он утверждает, что были «слухи о выселении из Германии советских граждан [...] и будто бы начали уже выселять по алфавиту.» (ПАСТЕРНАК 1975: 95.) В книгу, составленную его дочерью, она поместила и более ироническую запись. Стоит обратить внимание на то, что в цитируемом нацистском документе и во всей книге сам Пастернак одинаково не употребляют слово «еврей».

«6-го января 1944 г.

Разбирая свои бумаги, нашел два курьезнейших документа, исторически очень ценных, но особенно нелепых в совокупности: один, официальный – запрещение мне (я бережно храню его), как не арийцу, “не могущему воплотить арийских идей”, заниматься живописью! Документ нацистского идиотизма, небывалого во всей истории искусства и жизни человечества [...]. Другой документ – заметка, пропущенная нацистской цензурой и опубликованная в официозном журнале “Die elegante Welt”, рекомендующая в лучших выражениях, как высокохудожественное произведение, мою литографию Бетховена (репродуцирована над чьим-то портретом Гинденбурга, но моя подпись уничтожена!). Рекомендует и его и Гинденбурга “в каждую немецкую семью!..” Это эпизод – на пять с плюсом...» (ПАСТЕРНАК 1975: 108.)

В *Записях* Пастернак относительно подробно пишет о своей «экспедиции» из Берлина в Палестину в 1924-ом году. Однако, описание Палестины, его эмоции, которые вызвали разные зрелища, в его записях ничем не отличаются от описаний Египта, например. Эта поездка, по-видимому, оказала на него глубокое впечатление – независимо от того, что в воспоминаниях нет ни одного намёка на то, что он имел больше отношений к этой культуре, чем любой человек, знающий Библию. Это были плодотворные дни: «Несмотря на короткий срок пребывания в Палестине, я все же успел сделать целый ряд картин, рисунков и эскизов, в которых старался запечатлеть виденное мною в этой стране. Часть моих

палестинских работ показана была на первой моей берлинской выставке, часть была опубликована.» (ПАСТЕРНАК 1975: 93) В русское издание *Записей* вошла репродукция одной картины – *Пейзаж с мавзолеем Рахили*, а в английское другой – *Street in Jerusalem (Иерусалимская улица)* (PASTERNAK 1982).

Картины на палестинскую и еврейскую темы ушли на второй план ещё при жизни художника – а после его смерти это стало ещё более заметным. В 1979-ом и 2001-ом годах были выставки его картин в Третьяковской галерее. Судя по рецензиям, на них тоже не особенно были представлены такие работы (см. например ТВОРЧЕСТВО 2001).

Ещё более любопытно стремление, стереть из биографии художника его происхождение, при том что говорится, в том числе, именно о его прошлом. Так поступает английский писатель Сесил Пэрротт, который написал радио пьесу о чете Пастернаков, об атмосфере, которая окружала их всемирного известного сына, Бориса (PARROTT 1975). В пьесе, которую транслировало радио Би-Би-Си в 1975-ом году (THE PASTERNAKS), слышны были и голоса Жозефины и Лидии Пастернак, конечно, влияние семьи на это произведение заметно. Актёры исполняли роли Марины Цветаевой, Р.-М. Рильке, Бориса Пастернака, Льва Толстого, художника Александра Бенуа.

Для каталога к выставке рисунков в Оксфорде 1990-го года Жозефина Пастернак написала о детстве художника. Здесь в повседневной жизни семьи своего отца она обнаруживает только влияния нееврейского мира. «Отец Леонида Осиповича Пастернака был беден. Но это была не нищета, а скорее умеренность во всем. Такой же была пуританская атмосфера в семье: долг прежде удовольствия. Шестилетний мальчик рисовал для дворника охотничьи сцены с борзыми. [...] Рисовал он также для добросердечной жены строгого православного священника» (PASTERNAK J. 1990).

Кохен в своей книге пишет о том, что Леонид Пастернак является одним из тех российских художников еврейского происхождения второй половины 19-го века, которые не хотели идентифицировать себя, как еврейские художники, а по убеждениям, стремлениям, в большей мере принадлежали к русскому (и международному) искусству. Но мышление Леонида Пастернака имеет особый характер. С одной стороны он считался ассимилированным, а с другой – Бубер, Бялик, Макс Осборн находят его место в еврейской истории искусства. Наверно, ещё важнее, что хотя он считал себя русским художником, на рубеже веков под влиянием погромов, анти-еврейских политических событий он повернулся к еврейской тематике, показывая этим, как глубоко касается его самого судьба евреев, как сильно он переживает эти события (COHEN 1998).

В творчестве художника в этом плане нет никакого противоречия – ведь закономерно, что на разных картинах различается тематика

изображённого – но не художественное убеждение. Все его картины, рисунки сделаны в русском реалистическом, потом импрессионистском стиле, причём Пастернак часто ищет новые способы изображения – благодаря этим поискам он стал знаменитым художником. Упрощённым трактовкам его жизни противостоит многослойность его работ и мыслей. Как всегда – искусство умеет больше сказать о художнике, чем самые близкие к нему люди.

Литература

- ПАСТЕРНАК HOOVER 139:6 = ПАСТЕРНАК Л. Первый погром в Одессе (из детских воспоминаний...) Hoover Institution Archives, Stanford (California) Box/Folder 139:6, машинопись, без даты.
- ПАСТЕРНАК 2015 = ПАСТЕРНАК Л.О. Заметки об искусстве. Переписка. Москва, 2015.
- ПАСТЕРНАК 1923 = ПАСТЕРНАК Л. О. Рембрандт и еврейство в его творчестве. Берлин, 1923. <http://litbook.ru/article/7187/>
- ПАСТЕРНАКИ 2001 = ПАСТЕРНАКИ Евгений и Елена, Пастернаки в Англии // Наше Наследие, 2001. №58. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/5806.php>
- ПЛАВИНСКАЯ 2012 = ПЛАВИНСКАЯ Л. «Я не могу быть чисто русским художником». <http://lechaim.ru/ARHIV/241/plavinskaya.htm>
- ТВОРЧЕСТВО 2001 = Творчество Л.О. Пастернака в России и Германии // <http://www.museum.ru/N4224>
- COHEN 1998 = COHEN R.I. Jewish Icons. Art and Society in Modern Europe. Berkeley, Los Angeles, London, 1998.
- PARROTT 1975 = PARROTT C. Leonid and Rosa Pasternak. Hoover Institution Archives, Stanford (California), Box/Folder 3:4.
- PASTERNAK J. 1990 = Drawings by Leonid Pasternak (1890-1945), with an Introduction by Josephine PASTERNAK, Ashmolean Museum, Oxford, [1990] машинопись // Hoover Institution Archives, Stanford (California) Box/Folder 4:12.
- PASTERNAK 1982 = PASTERNAK L. The Memoirs of Leonid Pasternak. Translated by Jennifer Bradshaw. With an Introduction by Josephine Pasternak. London, 1982.
- THE PASTERNAKS = The Pasternaks. <http://genome.ch.bbc.co.uk/f2ea036f455a4acdbf5a43d79d59cbd4>